

ЯШИН И ПАУСТОВСКИЙ

У Александра Яшина есть написанные почти с протокольной подробностью и достоверностью дневники пятидесятых годов, касающиеся литературных событий так называемой первой нашей перестройки. Время до XX съезда и после него. Лично для Яшина это время было особенно важным и трудным: в 1956 году вышла вторая книга альманаха «Литературная Москва» с рассказом «Рычаги». Рассказ был его прозаическим дебютом, ибо до этого Яшин был известен только как поэт. Рассказ официально – в прессе, в выступлениях – был признан клеветническим, очернительским: на него был наложен запрет ЦК и не переиздавался он 31 год, до нынешней перестройки. 13 июня 1957 года Яшин записывает: «Вот уже несколько месяцев меня склоняют... во всех газетах за «Рычаги».

Кампания эта продолжалась довольно долго. Во многих выступлениях писателей, партийцев, законспектированных в дневниках Яшина, видна, так сказать, двойственность: на сцене одно, в кулуарах другое; поддерживающая позиция одних, осуждающая других. Об этом есть такие записи: «Любопытно бы запомнить всех, кто мне выразал о «Рычагах» свои восторги, чтобы затем проверить, кто из них будет говорить противоположное с трибуны». Примеры: «22 января 1957 г., вторник. Привез Зл. К. в Малеевку. И здесь – всякие разговоры, шум и сплетни о «Рычагах», а большинство не читали. (...) Е. Мальцев хвалил и по телефону, и устно, приходил ко мне на квартиру. А здесь, сегодня вечером, Семушкин вдруг сообщил, не называя фамилии Мальцева, что он говорит о рассказе как об антисоветском. Пришел Мальцев. Получилась очная ставка. Мальцев вынырнул, заявив, что он передавал не свое мнение, «Свое не успел». Здесь же ходит Ю. Полевая (жена Б. Полевого) и всем болтает, что «Рычаги» клеветнический, антисоветский рассказ... И люди слушают... и, не читая, передают это другим».

23 января 1957 г. А. Семушкин прочитал сегодня и сказал, что не понимает, почему так Сурков все вывернул наизнанку: все то, что есть в «Рычагах», да еще больше, было уже сказано в решениях ЦК о партработе».

А вот записи через несколько месяцев того же 1957 года:

«11 июня. Было общемосковское собрание

писателей в Театре киноактера. Я не удержался, пошел, хотя Казакевич уговаривал не ходить. Гендряков и Алигер не были. Казакевича речь и новое письмо Алигер, наконец, «удовлетворили» – они признали свои ошибки и продали «Рычаги».

Поразил меня Семушкин. В Малеевке он очень хвалил «Рычаги» и за правдивость и за художественные достоинства, а сейчас без всяких оговорок заявил, что это просто малохудожественный рассказ, зачем так нужно было много о нем шуметь.

Я крикнул с верхотурочки:

– Ты же хвалил «Рычаги», Тихон Захарович!

В зале оживление, он проглотил.

Потом я спустился вниз, он стиснул мне руку выше локтя.

– Что же ты делаешь, Тихон? Ведь так хвалил...

– Сейчас нельзя хвалить! – шепнул он мне.

Вот – еще один рычаг».

В такой писательской «творческой» среде надо было жить и переживать свои удачи, гонения, сохранять веру. А может быть, писательский мир тех лет был прообразом сегодняшнего разделения? Или разделение-раскол давно существовали, только не всегда открыто, многие десятилетия – скрыто? Может быть, было искусственное единство, подделка?..

Пережив разгром – все «суды» и суждения, совещания в СП и встречи в ЦК с писателями, вынужденное признание своей ошибки некоторыми членами редколлегии «Литературной Москвы» в напечатании «Рычагов», – Яшин особенно чутко воспринимал поведение тех, кто вел себя открыто, с достоинством. Вот продолжение дневниковой записи 13 июня 1957 г.: «Паустовский был будто бы у Поспелова, держался хорошо. Защищал и «Рычаги». Поспелов якобы согласился, что, возможно, такова обстановка в Вологодских колхозах. Там у нас самая слабая партийная организация».

Яшин жил рядом с Казакевичем и часто в то время общался с ним, так как последний был в составе редколлегии альманаха «Литературная Москва», так же, как и Паустовский, но поведение их после критики сборника отличалось... «Были у Казакевича... Он ездил к Паустовскому. Тот держится великолепно».

Казакевич же был в панике: «Ведьму ищут!» — шепотом говорил он, приходя к Яшину домой. (Запись 19 июня).

С этих событий и началось, видимо, более близкое знакомство Яшина и Паустовского.

В том же году 27 октября Яшин помечает в дневнике: «В 7.30 утра позвонила Злата из Ялты. А я как раз хотел сам звонить, потому что сегодня выезжаю с Мишей к ней. Меня ждет там К. Г. Паустовский. Он уедет из Ялты 30 октября». Жена Яшина — Злата Константиновна жила в Доме творчества в Ялте в те дни и общалась с Паустовским.

Дневник: «28/X—57. Встретили в Ялте в Доме творчества отлично. В доме масса знакомых». «29/X. (...) С Мишей ушел в море на прогулочном теплоходе «Хрусталь» — до Семенза и обратно... К морю мы пошли вместе — Сельвинский, Паустовский и я. Но подвел меня голос из репродуктора о прогулке.

Вечером сидели в фойе — Сельвинские, Паустовский, мы со Златой. Они прощались с ней — уезжают завтра утром часов в девять. Разговоры все о том же. Вспомнилась встреча в Кремле и на Загородной даче...»

Следующие записи в дневнике об общении с Паустовским относятся к 1961 году. Но перед этим — несколько записей, поясняющих ситуацию. После «уничтожения» «Рычагов» писатель тем не менее продолжал работать над прозой. Из готовых вещей Яшин отнес в журнал повести «Сирота» и «Высочка»:

«25 мая 1961 г. Сдал «Сироту» в «Новый мир» — А. С. Берзер. Еще раньше отдал повесть «Высочку». «4 июня. Берзер позвонила. Прочитала «Высочку». Считает, что можно разговаривать о печатании. Разговаривали о «Сироте» и «Высочке» Герасимов, Берзер и автор. Герасимов не сказал ни одного доброго слова». Об этом же через год говорится в письме к Валентину Овечкину — ответе на восторженное письмо-рецензию последнего после прочтения «Сироты» в шестом номере журнала «Москва» за 1962 год и недоумения, почему она напечатана не в «Новом мире»: «В «Новый мир» я, конечно, давал и «Сироту» и другую повесть — «Высочку». Прочитали их Ася Берзер и Герасимов. Герасимов не сказал мне о них ни одного доброго слова, тогда и Ася сдалась...» Интересно, что и заключение И. Герасимова на повесть К. Воробьева было воспринято Воробьевым — по воспоминаниям жены — «как неотвратимый приговор его писательской судьбе».

Далее события развивались так: «8/VI. Сдал «Сироту» Евгению Леваковской. 9/VI. Был в «Москве». Они поздравляли: понравилась вещь «проходимая». Будут печатать. Дал прочитать «Высочку».

И тут Яшин, зная, что отношение к нему «все еще недоброе», настороженное, принимает решение: отдать повести на суд Паустовского, каково бы ни было его мнение, укрепить себя его словом.

Надо сказать, что у Яшина было почти правилом давать читать свои готовые произведения на «обкатку» перед тем, как предло-

жить в печать, или дать вещи «полежать», чтобы позже, как он говорил, довести ее до «яшинской кондиции». И часто давал читать случайным людям, мнением которых он не особенно дорожил, хотя они были и профессионалами, тем, например, кто в данный момент находился рядом в Доме творчества или встретился в редакции. Он старался выслушать любое мнение и даже из самого неавторитетного извлечь какую-то пользу. Ему необходимо было, как говорится, общение, обмен мнениями. Нужна была среда внимательных, интеллигентных людей, читателей-профессионалов, главным для которых были бы интересы литературы.

Некоторые, наиболее близко стоявшие к Яшину писатели, такие, как молодой тогда Василий Белов, видели его одиночество:

«Выстоять, не согнуться учусь у тебя. Пока есть ты, мне легче жить. А ты? У кого учишься ты, кто или что твоя опора? Я знаю: быть честным — это та роскошь, которую может позволить себе только сильный человек, но ведь сила эта не берется из ничего, ей надо чем-то питаться. Мне легче, я питаюсь твоим живым примером, примером людей твоего типа. У тебя же нет такой живой опоры. И я знаю, как тяжело тебе жить».

Может быть, сейчас и Яшин не был бы так одинок, как тогда, но тогда все было по-другому. Главное препятствие к общению он видел в безразличии и недоверии друг к другу. «Вот главное преступление нашего времени — люди перестают доверять друг другу» — читаем мы у Яшина. А в стихах он так сказал: «Только бы не нарваться с исповедью на врага».

Как он тянулся, жаждал иметь старшего друга, учителя...

Считая себя начинающим прозаиком, Яшин решил ехать к Паустовскому в Тарусу: «10/VI. Выехали в Серпухов утром. З. К., Злата, Саша, Миша. Проехали в Тарусу. Сняли «сарай» — номер на четыре койки в гостинице — 60 копеек за койку, на двое суток... Были у Паустовского. Хорошо у него. К вечеру пришел Юра Казаков. Дал книжку «Совесть». Татьяна Алексеевна была в Москве. Отдал Паустовскому читать «Высочку» и «Сироту».

«11/VI, воскресенье. Съездили в Поленово без машины. Обратный путь «блудились». Устали. Ничего не пишу, только нервничаю.

12/VI. Около 10 часов утра заехали к Паустовскому, передал ему охапку ландышей. Попросили Галю (падчерицу) передать Ю. Казакову, что сегодня готовы взять его в Москву. А в Москву не попали. Уехали вверх по Оке и там заночевали около бакенщика Я. Миша, Саша — в палатке, мать и Злата в машине.

Погода сухая, жаркая. Купаемся, наслаждаемся природой.

13/VI — вторник. Утром над палаткой гудение шмелей — оказывается, они обрабатывают молодые побеги и шишечки больших елей.

Рядом деревня Лодыжино, в которой еже-

годно отдыхает С. Рихтер с женой. В избе роль. Он играет, по рассказам, ежедневно и подолгу, разучивает новые вещи.

Ходил с ведром к ключику на берегу Оки. Красивейшие места.

Рихтер снимает избу пятый год у стариков-хохлов Гаврилы (нрзб.) и Василисы Давыдовны, бежавших в 1932 году с Украины от голода. Урожай был, но все отобрали и морили голодом (опять вредители?), не разрешая никуда выезжать. Бежали тайно. Картины голода страшны. Трупы в подвале. Старику 78 лет. Он много лет был счетоводом в колхозе, недавно вступил в партию. Сейчас у них совхоз. Сын Петр — шофер из Подольска и дочь Анна рабочая из Киева сейчас живут в отпуске. Они бежали от колхозной жизни. А любят родные места, тоскуют по ним. Тут знакома каждая ягодка на кустах. «Метро» прорывали в детстве, хотели соединиться с московским метро. Петр за два года работы шофером, «идя на все», зарабатал калыму 27 тысяч рублей и купил комнату, и женился. Аня работала на заводе, занималась спортом, там и познакомилась с нынешним мужем. Была чемпионом Украины по гребле.

Сходили с ними осмотрели строительство дачи Рихтера. Строит какой-то бородастый художник Володя.

Около двух часов дня, испугавшись надвигающегося дождя, сорвались с места, быстро собрали палатку и выехали в Тарусу и в Москву. До Тарусы довезли Петра.

В Тарусе заехали к Паустовскому. Ю. Казакова нет.

Паустовский очень хвалил «Высочку», «Сироту» еще не прочитал. Договорились, что я позвоню ему из Москвы. З. К. очень радуется, видимо, она уже теряла веру в меня.

До Москвы доехали быстро...

Звонил Кулемин — «Сироту» берут в журнал.

«19/VI—61 г. Понедельник. Часа два разговаривал с Леваковской по «Высочке». Она считает, что в таком виде вещь «непроходимая», но что ее легко можно сделать для печати: Нюрка Смолкину должна снова вернуться к ее хорошему истокам...

Вечером позвонил в Тарусу Паустовскому. Он прочитал и «Сироту», тоже нравится очень. Считает, что и делать ничего не нужно. «Высочку» он ставит выше. Я сказал о «непроходимости». Он: «Ну это еще мы посмотрим!»

Завтра, послезавтра он приедет в Москву, встретимся».

Одним из результатов поездки было стихотворение «Таруса», посвященное К. Г. Паустовскому, которое он окончательно доработал в 1962 году:

ТАРУСА

К. Г. Паустовскому

Лежу на краю зеленой земли.

В небо врезаны сосны и ели.

Трудятся пчелы,

Гудят шмели...

Наверно, так с сотворенья земли:

Пчелы трудились,

Шмели гудели.

И мне захотелось от диких пчел

Урвать дарового меду.

Весь день искал,

Ничего не нашел:

Непросто теперь набрести на пчел,

С медом найти колоду.

Зато какие леса, небосвод,

Воздух — не надыхаться!

А пчелы...

Пускай роятся,

Пускай для себя собирают мед!..

Лежу на земле,

Гляжу в небосвод —

Не на что обижаться.

Дальше ниточка их отношений прослеживается в таких записях:

«10/XII—61 г. Были с З. К. и Сашей у Паустовского на Котельнической набережной... Светлая квартира. Татьяна Алексеевна и юрист из Литфонда (забыл фамилию).

А писать все-таки надо».

Последняя фраза говорит о том, что снова Паустовский вселяет надежду, желание к работе, подает руку отчаявшемуся от беспросветности обстановки в деревне, в стране, в литературе писателю. И как бы взяв с собой про запас, как заповедь, вывод из беседы с Паустовским «А писать все-таки надо», — 20 декабря 61 года Яшин уезжает к себе на родину по приглашению родственников на свадьбу.

В конце повести «Вологодская свадьба» он говорит: «Один пестерь подарил Константину Георгиевичу Паустовскому к его семидесятилетию...»

Вернувшись в конце февраля в Москву из вологодских краев, Яшин, после пленума ЦК по сельскому хозяйству, на который он был приглашен, 12 марта прилетел в Ялту:

«... в 2 часа дня уже на месте. Здесь Паустовский, его падчерица Галя, Алеша Баталов, Коничев. Вечером ходил с ними (вторым) в театр на концерт с цыганскими романсами...

Ходил к морю. Цветут миндальные деревья, но весны еще настоящей нет. В районе Симферополя цвет миндаля почернел от заморозка. (...)

19/III. На «москвиче» в дождь с Баталовым ездили на его вечер в театр им. Чехова. Паустовский, Галя, Бугаевский, Оля Заботкина и я. Вечером у Паустовского коньяк...

20/III. Свой литературный вечер в Доме творчества.

21/III—62 г. Сегодня в «Курортной газете» мои три стихотворения с врезкой. (Впервые — лауреат Государственной премии). (...)

Вчера приехала Татьяна Алексеевна Паустовская, привезла мне мою куртку. Вечером у них как всегда А. Баталов, Вл. А. Бугаевский, затем Арсентий Тарковский с женой

Таней. Меня позвали уже к концу. Мне это было неприятно, но я пришел...

Вчера же был литературный вечер в нашем клубе. Читали: Ковынька (старик), Яшин, Дудин, Бугаевский. Рассказывал об атомщиках в связи со съемками кинокартины «9 дней одного года» — А. Баталов. <...>

24/III—62. У Паустовского ежевечерне собирали одесситов — то шашлык (вчера я не был, — говорят, что меня не нашли), то ананасы — и вино, вино, и пустые разговоры, хохмы. Сегодня я побыл немного и ушел. <...>

И опять начал курить. И не работаю. Все ужасно. Читаю и то мало...»

«25/III. Ялта. Сейчас без 20 минут час ночи, а над Ялтой в темноте все летят и кричат журавли — уже который день и все ночью. Где-то, как-то они опускаются на землю?»

Сегодня начал рассказ о призывниках».

Личность Паустовского притягивает Яшина и настораживает, и отталкивает окружение вокруг него и близкое Паустовскому и резко отличавшееся от сущности самого писателя. Создавалась некоторая элитарность, даже божественность. Паустовский всех принимал, всем радовался.

Рассказывая о ялтинских прогулках в компании Паустовского и Баталова, Яшин удивлялся, насколько кино популярнее книги. Паустовского никто не узнавал, несмотря на его писательскую известность, зато киноактеру Баталову, когда приходили на почту, в магазин, поручали все, что надо было сделать: отправить, получить, купить — и все ему старались услужить... Потом много шутили на эту тему.

«27 марта. 1962 г. День рождения. Выступление в Доме учителя. Первый вечер «Клуба интересных встреч» (Я, Дудин, Ковынька и Баталов). Потом мой ужин в нашей столовой...»

В тот вечер Паустовский подарил ему 2-ой том своего собрания сочинений: «Дорогому Александру Яковлевичу Яшину. Будьте всегда таким же молодым, красивым, смелым и беспокойным, как и сейчас. А о таланте я не говорю, — он Вам отпущен полной мерой.

27 марта 1962 г. Ялта.

Ваш К. Паустовский».

К. Коничев вспоминает об этом вечере, как о веселом и торжественном. Он писал в воспоминаниях о своих встречах в Ялте с Паустовским, как тот хвалил Александра Яшина «за смелость, за упорный труд, без чего не бывает таланта, а в литературе без одержимого трудолюбия и таланта никак нельзя».

Далее продолжают ялтинские записи: «2/IV. 62 г. Без конца болтают Тарковские, Бугаевский и иже с ними — с Паустовским (и днем, и по вечерам). О чем? Кто что вспомнит из вычитанного из западной литературы, из узанного о загранице, об американском кино, о кинозвездах... Анекдоты, хохмы о королях, о принцессах... Слушаю, слушаю и ухожу.

Сегодня Паустовский, встретив меня, прежде всего спросил:

— Александр Яковлевич, видели шведский теплоход?

— Да, видел.

— Какой красавец, правда?

Хоть бы что-нибудь доброе о нас, о России — не в сочинениях, не для вечности, а так, в простом человеческом разговоре — за вином, за кофе. Так ли уж он любит Россию?

Тарковский — тот, конечно, отстранился от всего нашего. Это один из многочисленных внутренних эмигрантов. А Паустовский это же не положено.

Воронин Н. М. завтра улетает домой, до срока — затосковал».

Воронин — председатель одного из колхозов на родине Яшина, которого он привез с собой, крестьянин, не любящий отрываться от своего дома, не привыкший к праздному отдыху, переживающий за землю, которую он оставил на время, видит в апреле весну в Ялте и забывает, что в Вологодской области еще снег на полях, что здесь юг, а там север. И сколько Яшин его ни уговаривал, заторопился, затосковал, собрался обратно: «сеять пора!»

Еще две записи, связанные с Паустовским в Ялте:

«5/IV. Дал Паустовскому прочитать «Две берлоги» (очерк, который Яшин привез из зимней поездки на родину и который отказался печатать в «Литературной газете» Косолапов. — Н. Я.) — ему все нравится, и эта вещь тоже. Просит «добавить деталей мелких».

Я упрекнул, что он не делает мне пометок.

— Ничего не нужно делать: вы опытный, сложившийся прозаик, — сказал он».

«Из Ялты в Москву самолетом с Ворониным — 7/IV. В Москве правил «Сироту» — в верстке. Потом... правил и сокращал снова». Этим же числом датируется записка К. Паустовского, решившего помочь опубликовать «Две берлоги», которую он передал Яшину перед отлетом.

«Ялта, 7 апреля, 1962 г. Будьте добры, Александр Яковлевич, позвоните по телефону Б 7.48.49 (это мой телефон), подойдет работница Марина. Скажите ей, чтобы шофер Валя (Валентин Тимофеевич) подъехал к Вам, взял рукопись и отвез ее без промедления в «Новый мир» — тов. Герасимову.

За что и примите от меня глубокую благодарность».

К. Паустовский».

Затем в дневнике идет запись о том, что был вечер у Каверина — 60 лет... И далее: «Через день после этого у Паустовского инфаркт (ночью). Звонил ежедневно, спрашивая. Кажется, стало лучше, будет жить. Я поревел при первом разговоре по телефону с Татьяной Алексеевной».

28 апреля 1962 года Яшин уже снова в Вологде и вскоре переезжает на Бобришный Угор, где построил себе для работы в лесу дом. Отсюда он дает телеграммы, волнуясь о здоровье Паустовского. Посылал даже с оплаченным ответом. Наконец, получил из Москвы: «От Паустовских — две телеграммы от 15 мая — поправляется».

А вот отрывок из письма А. Яшина к жене

Злате Константиновне от 25 мая 1962 года: «Матушка! 31/V у К. Г. Паустовского день рождения — уточни — ему исполняется 70 лет. Я, видимо, не вернусь к этому времени, он все равно в больнице. Но, пожалуйста, увези сама или перешли с дочкой к ним на квартиру (созвонись) ему в подарок от меня пестерь (новый). Очень прошу тебя сделать это.

И хорошо бы напомнить Гале Корниловой («Литгазета») о стихотворении «Таруса», посвященном Паустовскому — может быть, они хоть его дадут к этим дням».

Очень хотелось Яшину собрать вместе свой круг друзей, сплотить их общей радостью и болью, обеспокоенностью за судьбу страны. И среди этого круга он видел и Паустовского. Живя в лесу, строя там дом, он пишет стихи об этом: «Завихрится стружка, Пахнет ягодным бором. Вырастает избушка Над Бобринным Угором». И на полях рукописи: «Заходите, приезжайте... поэты, москвичи... Золотые рассветы, соловьиные зори... двери открыты...» «Добрым людям избушка Круглый год будет рада. А объявится рядом Кто с недобрым поглядом — К тем она повернется Не передом, Задом».

Из письма к жене: «Телеграмму Паустовскому я сегодня, 31/V, передал. Успела ли ты вовремя доставить ему пестерь? Мне этот человек дорог».

Текст поздравительной телеграммы:

«Родной Константин Георгиевич! Глухари, тетерева, зайцы, медведи, вся вологодская живность, помня Ваше добро, благодарят Вас за долгую, благородную жизнь, счастливое творчество, обнимают, целуют.

От их имени Ваш Александр Яшин».

Запись в дневнике о встрече с Паустовским в Доме творчества «Перedelкино»:

«9 февраля 63. Переехал в Перedelкино — Дом творчества. Провожали З. К. и Саша... З. К. осталась. Здесь Паустовский, Борщаговский, Е. Мальцев, Н. Воронов с женой Таней. Ходит Нилин...»

«16/II—63. К. Паустовский подписал мне первый том своих сочинений». — Это уже после напечатания в «Новом мире» «Вологодской свадьбы» и кампании критики в печати против нее. Опять поддержка: «Александр Яковлевич, Саша, дорогой, вы прямой, мужественный человек, — ни в чем не «сумлевайтесь», народ Вас отблагодарит за правду и за Вашу сыновнюю к нему любовь — Вас и чудную Вашу помощницу — Злату Константиновну».

16/II—63. Перedelкино.

Любящий Вас К. Паустовский».

А 19 марта он подписывает все тома своего собрания сочинений каждому члену семьи Яшина — по тому: «Саше Яшину — за добро, на счастье»; «Злате Яшиной — представительнице чудесной яшинской семьи — на счастье»; «Мишеньке Яшину, милому мальчику, чтобы он всегда так хорошо улыбался, как сейчас»; «Дорогой Злате Константиновне Яшиной — живому воплощению прекрасных черт русской (и отчасти польской) женщины. К. Паустовский. 19/III—63, Перedelкино».

В дневнике Яшина редко встречается отзыв о произведениях Паустовского. Вот одна из ранних записей:

«1/II—56. г. Перечитываю «Мещерскую сторону» Паустовского. Недавно прочитал «Березовый сок» Щипачева. Удивляюсь себе — почему я ничего не написал о своих удивительных вологодских лесах, о Лубниках, о Мурже. У меня не менее интересный материал — сколько картин, сказок, бывальщин. Вот шука в озере с крыльями ястреба, латыш Мартын и его сказки, вилы Антипы в промерзлой женской рубашке-подставе, белычи набеги, сбор живицы, ловля лосей в проволочные петли».

Только из каждой зарисовки, из каждого воспоминания, случая надо высекать искру, извлекать какой-то интересный и новый смысл. Этого не сделали ни Паустовский, ни Щипачев».

В марте 1963 года проходила встреча интеллигенции у Хрущева. Все волновались. Яшин записывает:

«Около шести вечера 4/III Воронков позвонил Паустовскому, пригласил его на встречу в ЦК на 7/III—2 часа дня. Кого еще — неизвестно. Позвонят ли мне? (Не позвонили, не пригласили.) Приглашены Роберт Рождественский и Ярослав Смеляков».

Далее идут короткие записи. Вот одна из них:

«На лето поехать в Тарусу к Паустовскому».

8/III—63. (...) Паустовский и К. И. Чуковский не ездил на встречу...»

27 марта Александру Яшину исполнилось пятьдесят лет.

«22/III. Отдал стихи в «Литгазету» и в «Лит. России»; должен был писать К. И. Чуковский, но там уже идет его статья. Заказали при мне Паустовскому». «В «Лит. России» от 29/III заметка К. Паустовского»:

ПОЭТ-СЕВЕРЯНИН

Первое, что я услышал от Александра Яшина, когда много лет назад мы с ним познакомились, были его удивительные рассказы о родных вологодских местах, реке Юг, великих тамошних лесах, друзьях односельчанам и медвежьей охоте.

Мы часто пользуемся выражением «сын народа». Это высокое звание надо заслужить самоотверженной любовью к своему народу, знанием его, честностью, проникновением в поэзию родной страны. В этом смысле Александр Яшин — подлинный талантливый сын нашего Севера, вологодских краев, сын и поэт.

Я не представляю себе оседлого Яшина. Он всегда в движении, в поэтическом беспокойстве, в пристальном изучении своих северных мест, в накапливании «запасов» поэзии, в создании стихов.

Стихи его пристальные, свежи. Яшин не бросает поэзию на ветер.

Яшину — пятьдесят лет — возраст зрелости и силы. Он надежный представитель Севера, наиболее близкий к истокам поэзии народной, представитель северян и северной кра-

соты. Он сын своего Советского Отечества, участник братства простых трудовых людей, и в этом — его сила.

ШТУДИИ

Константин Паустовский.

И снова это была поддержка для Яшина в то время, когда Союз писателей отказался провести его творческий вечер-юбилей.

С 1965 года их общение входит в последний этап и носит уже другой характер: 6 декабря 1965 года у Яшина трагически погиб старший сын, шестнадцатилет. Много друзей тогда поддержало писателя словом, вниманием. Но не все. Письмо, полученное от Паустовского, было для него одним из самых дорогих:

«24/XII — 65 г. Дорогой Александр Яковлевич!

Сегодня я вышел из больницы и узнал о Вашем горе, о Вашей беде. Сколько мы ни надеемся, что «минует нас чаша сия», она не минует. Я, старый человек, никак не могу примириться с жестокостью жизни и несовершенством человеческих отношений. Как все забыть, куда преклонить голову? — Одна мысль, — в леса, в лесную пустынь, затеряться там и заживлять свои раны. Я бы и затерялся, так сейчас это для меня смертельно, а хочется еще кое-что написать.

Что я могу сказать Вам и Злате Константиновне, кроме огромного человеческого сочувствия и огромного горя, которое идет по пятам.

Что бы ни случилось — держитесь. Обнимаю Вас. К. Паустовский.

Спасибо за книгу стихов.

Один бедняк из Мешеры, старик Семен говорил мне: «Раз родился, так ты живи, не гнви Бога!»

В августе 1966 года Яшин был в командировке в Одессе и оттуда попал с экскурсией в Ялту, где снова встретился с Паустовским.

Из дневника: «В Одессу от журнала «Москва» едем 26/VIII на неделю. Бригада в составе следующих деятелей: Евг. Поповкин, Лев Никулин, С. Васильев, А. Яшин, Н. Доризо, Вл. Семенихин».

В одесской газете «Комсомольская искра» под заголовком «В чем моя вера» было впервые напечатано стихотворение Яшина «Переходные вопросы», попавшее в сборник его стихотворений только в 1979 году.

Оказавшись неожиданно в Ялте и обрадовавшись Паустовскому, Яшин отправляет письмо в Москву Злате Константиновне от них обоих. На конвертах так и написано: «От Яшина, от Паустовского».

Сначала от Яшина:

«18/IX — 66. Родная Злата, любимая женщина! Я ночевал в Ялте на частной койке вместе с моими заводскими товарищами по туристскому автобусу. Сейчас 11 часов дня. Я в гостях у Константина Георгиевича Паустовского и Татьяны Алексеевны, и Надежды Самойловны, жены Каневского (врача). Был у него и вчера. Оказывается, наши добрые отношения не менялись, — во всем виновата моя мнительность.

Люблю тебя. Наташе целую руку, Злат-

ку — в щеку, Миша пусть подскочит и повиснет на моей шее. Весь Ваш батько.

Матушка, напиши Константину Георгиевичу в Ялту, а я уезжаю.

Сегодня в 12 часов мы едем дальше, в Гурзуф, в Алушту, завтра до рассвета будем уже в Херсоне. Сейчас дам ручку Константину Георгиевичу».

Далее на той же странице письмо Паустовского:

«Злата! Обнимаю Вас, не теряйте меня из жизни, — а я Вас никогда не потеряю. В Москве обязательно увидимся — детей целую, как там Миша? Если врачи меня пустят, то обязательно приеду к Вам на Север.

Очень я люблю Вас и Александра Яковлевича, несмотря на его мнительность.

Желаю Вам покоя, сколько его может дать нам жизнь».

Всегда Ваш К. Паустовский».

Здесь же еще несколько слов приписано Татьяной Алексеевной.

Тогда же Яшин посвятил Паустовскому одно из своих лучших и трагических стихотворений, только что напечатанное в первом варианте. Посвящение он поставил в своем рукописном сборнике, куда вписывал все лучшее, созданное им за последние годы. Стихотворение это выражает трудное состояние души не только поэта, но и многих людей в то время или безвременье.

ПЕРЕХОДНЫЕ ВОПРОСЫ

Константину Георгиевичу Паустовскому.

А в чем моя вера?

Опора?

Основа?

Кого для примера

Брат —

Снова Толстого?

С ружьем зачехленным

Без дела до осени

Томлюсь,

Окруженный

Пустыми вопросами,

Конечно, проклятыми,

Конечно, немодными,

Давно — бородатыми,

И все — переходными.

«Любить своих ближних?

Трубить славу жизни?..»

А если не любитесь?

А если не трубитесь?

«О слабых заботиться?

За сильных тревожиться?»

А если не хочется?

А если не можетесь?

А если в судьбе у меня бездорожица?

Не новую повесть
В душе перетрясываю:
«А может быть, совесть
Понятье внеклассовое?..»

А может, все пошлое,
Фальшивое,
Грошовое,
Продажность
И ложь
Не назовешь
Пережитками прошлого?»

Какой мерой мерится
Моя несуразица?
И в Бога не верится,
И с чертом не ладится.

И все-таки поссоренными их отношения так и не стали, была какая-то дистанция, которая определялась многим, даже возрастом. Встречи были всегда от случая к случаю, но так это было важно, что Яшин всегда записывал.

В последнем испытании болезнью они обменивались письмами, подводя итоги...

«Дорогой мой Константин Георгиевич!

Должно быть это правило подходит ко всем случаям жизни: не откладывать на завтра и т. д. Меня в последние годы с особенной силой тянуло к Вам, сердце чувало, что иначе не увижу Вас больше. И вот у меня уже было две операции (делал А. К. Блохин, профессор Янишевский и др.), явно требуется и третья, но у меня уже нет сил на нее, да и хирурги вряд ли решатся.

Позвольте сказать Вам, дорогой Константин Георгиевич, что люблю Вас, что дни, когда мы бывали вместе, считаю счастливыми днями в своей жизни, что общение с Вами очищало душу мою и возвышало ее. Спасибо Вам за все это. Я всегда гордился и горжусь Вашим добрым расположением ко мне.

Конечно, я понимаю, что не оправдал на-

дежд, которые Вы возлагали на меня, даже из написанного почти ничего не довел до конца. И мне самому особенно трудно из-за этого.

Книжка моей лирики «Бессонница» вышла в «Советской России», ее, по-моему, хорошо оформил Володя Медведев. Но у меня пока первые экземпляры, тиража еще нет.— Вам перешлют ее, как только будет первая возможность. Обнимаю Вас.

Поклон Татьяне Алексеевне.

20 мая 1968

Ваш Александр Яшин».

И 31 мая он еще поздравлял его с днем рождения.

Паустовский ответил ему:

«Милый Яшин, я тоже болен и поэтому не могу прийти к Вам сейчас, чтобы немного утешить Вас.

Держитесь. Нас осталось мало — лес редеет, и мы должны беречь каждое дерево, беречь себя и верить, что все будет хорошо.

Целую Вас, привет Злате Константиновне и детям.

21/V. Ваш К. Паустовский».

У обоих почерк был уже почти неузнаваем...

Здесь собраны записи, письма (не все, конечно) — свидетельства отношений двух писателей нашего времени. Ни Яшин, ни Паустовский уже не смогли ни написать, ни продиктовать воспоминания друг о друге. Некрологи о них попали в одни номера «Литературной России» и «Литературной газеты». Яшин скончался 11 июля 1968 года, Паустовский через три дня — 14 июля 1968 года. Александр Яшин похоронен по его завещанию на Бобришном Угоре, рядом с домом, выстроенном в лесу, чтобы работать и принимать друзей, Паустовский — в дорогой ему Тарусе.

Наталия ЯШИНА

